

В. В. ЛЕДЕНЁВА  
г. Мытищи, Россия  
kaf-sovrusl@mgou

УДК 808.5:81.161.1'37

## НОРМА КАК МЕРИЛО ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

**Аннотация.** В статье автор обращается к вопросу о роли нормы в современной культурно-речевой ситуации, требующей для эффективной коммуникации, с одной стороны, использования и создания таких языковых единиц и текстов с их участием, благодаря которым активный и сознательный *homo ludens* был бы вовлечён в креативную деятельность по осмыслению приёма и средства воздействия, а с другой стороны – соблюдения установленных норм и правил: орфографических, пунктуационных, грамматических, стилистических и других, в том числе этики общения. Затронут вопрос о роли языковой игры в её отношении к норме в условиях аудиовизуальной активности языковой среды. Поддержан как весомый, не теряющий актуальности для осмысления лингвокреативности и нормы критерий целесообразности применительно к речевой ситуации.

**Ключевые слова:** *homo loquens*, *homo ludens*, языковая норма, лингвокреативность, креативная среда, речевая деятельность, целесообразность, речевая ситуация, культура речи.

LEDENEVA VALENTINA V.

*Mytishchi, Russia*

## NORM AS A YARDSTICK OF LINGUOCREATIVITY

**Abstract.** In the article, the author studies the issue of the role of the norm in the modern cultural and speech situation, requiring for effective communication, on the one hand, the use and creation of such linguistic units and texts with their participation, because of which an active and conscious *homo ludens* would be involved in creative activity to comprehend the reception and means of influence, and on the other hand, compliance with established norms and rules: spelling, punctuation, grammar, stylistic and others, including the ethics of communication. The question of the role of the language game in its relation to the norm in the conditions of audio-visual activity of the language environment is raised. The criterion of expediency is supported, because it is weighty, does not lose relevance for understanding linguocreativity and norms in relation to the speech situation

**Keywords:** homo loquens, homo ludens, norm, linguocreativity, creative environment, expediency, speech situation.

Креатив, креативность как проявляемое в любой деятельности человека творческое начало, необходимое и для освоения мира, в том числе интеллектуальной сферы, духовного, и для создания его арте- и ментефактов, являет себя повсюду [ср.: Горбань 2012; Дедюхин 2011; Леденёва 2004; Стражный 2010; Храпов, Бибарсов 2020 и др.].

Это, безусловно, касается и основного средства общения – языка в его функционировании. Исследователи уже ряд десятилетий говорят и будут продолжать говорить о том, что современный homo loquens – это активный и сознательный homo ludens [Гридина 2020; Гридина 1996; Иваненко 2007 и др.]. И это понятно, ведь языковую личность в процессе социализации формирует среда. Ныне это вербальная среда высокой аудиовизуальной активности (и даже агрессивности) в отношении характера её воздействия на носителя языка. Такая среда не даёт homo loquens возможности не включиться в языковую игру, предлагаемую на каждом шагу в повседневности. Она обязывает понимать и реагировать. Так, вывески заведений предлагают войти в *котакафе «Мурчашка»*, в рекламе презентуются *восхрустительные сухарики* или *фаршебные* продукты от мясника (*Фарш и всё фаршебно в нём. Ну, а если не фаршебно, Деньги полностью вернём*), сахарное печенье в продаже с неодноплановой по смыслу номинацией *«Глюки»*... Применять в быту рекомендуется пенящееся средство для чистки сантехники *«Пенозавр»*, номинация которого заставляет вычислить и усвоить манипулятивно значимую сему ‘мощный’... Словообразовательный гибрид, или слово-кентавр, в качестве названия ситкома о «нормальной больной семье» *«СашаТаня»*, который шесть сезонов смущает зрителей ТНТ [<https://www.b17.ru/article/310885/>], провоцирует на создание по аналогии названия отдела молодежной одежды в рядовом торговом центре России *«СашаКатя»* – и цепочка может продолжиться: *СашаФедя* и т. д.

Примеры едва ли не бесконечны, потому что экспрессия и эмоциональность в современной речи – том самом поле реали-

зации русского языка с его богатейшими ресурсами и смелостью в освоении заимствованного – опережает рациональное начало в его ведущих для языковой личности стилях – разговорном и языке СМИ. (См.: «*Чувство толка*». *Жители первого в России “Дома слепоглухих” получают “невозможные” для себя профессии и становятся востребованными специалистами* [В. Емельяненко. Российская газета № 11 (8659). 19.01.2022] – в заголовке преобразован фразеологизм *чувство долга*; в подзаголовке реализовано парадоксальное по смыслу словосочетание *получать невозможное* при элиминации кавычками единицы, которая должна привлечь внимание адресата). В названных стилях прежде всего экспрессивное и эмоциональное ярко демонстрируют себя в языковой игре, которая признана «формой лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на выполнение определённой функции» [Базилевич 2015: 21].

Экспрессемами, играми переполнены сайты сети «Интернет», реагирующие на запрос «Оригинальные названия», «Необычные наименования» и под. Такие единицы стремятся создавать не только авторы рекламных текстов или те, кто предлагает свои услуги, обращая внимание на их специфику (например, ассенизаторская машина «*Кака-Кола*» [<https://fishki.net/2989569-bogi-nejminga-20-zabavnyh-nazvanij-pridumannyh-nastojawimi-profi.html>]) – «боги нейминга», но и активные пользователи с кипучей энергией самопрезентации.

Язык Интернета и современных СМИ – основной стилистической формы существования русского литературного языка в XXI веке – предъявляет творчески переработанные фразеологизмы, крылатые слова («*Не спи, Джо, аутсайдером станешь*») и разные по выразительной силе метафоры («*Будущее мчится по диаметрам*») [Москва Вечерняя. № 134 (1224). 23.11.2021.vrn.ru], активно реагируя на актуальные события жизни. Только пандемия коронавирусной инфекции породила блоки интенсивно внедряемых в визуальное употребление неологизмов (*коронаскептики, коронакризис, ИЗОизоляция, маскашит* и др.), без которых газетный или журнальный номер, авторскую программу на ТВ или блог трудно представить: «*Ан-*

*тиваксеры, держитесь!» Врачи ответили на вопросы противников уколов от ковида* [Москва Вечерняя. № 136 (1226). 25.11.2021.vm.ru] и т.д.

Языковая личность, погружённая в среду с высоким уровнем аудиовизуальной активности, ощущает своеобразное давление свойства лингвокреативности, которое проявляет себя не только при формировании и реализации коммуникативной интенции [см.: Горбань 2012: 73-74], но и раскрывается как онтологическое свойство языковой личности, выступающей в качестве пользователя языка, творца и интерпретатора речи / текстов, а значит, и языка, потому что, как справедливо пишет Т.А. Гридина, «...вся речевая деятельность, безусловно, есть креативная деятельность, поскольку это деятельность, оформляющая мысль и связанная с развитием когнитивных структур сознания» [Гридина 2008: 45]. Более того, определяя «сущностную природу языковой игры», Т.А. Гридина трактует ее «...как особую форму лингвокреативного мышления, основанного на механизмах одновременной актуализации и переключения, ломки ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения вербальных знаков и проявляющего творческую инициативу говорящих в обновлении языкового канона» [Гридина 2020: 75].

Приятие креативной среды, игрового контекста как единственно «удобного», «комфортного» имеет проблемную в социально-психологическом отношении перспективу. К определённым (и нередко тревожным) выводам в отношении увлечённости игрой как таковой пришли исследователи: «Но в том случае, если игра распространяется на всю область жизни, – что случается тогда, когда игра выступает в качестве единственного принципа существования человека, – всякое подлинное и искреннее проявление собственной жизни элиминируется, так как все оказывается вдруг не соответствующим внутреннему состоянию, а реальность становится виртуальной» [Спешилова 2015: 179]. Остро встаёт вопрос об отношении homo ludens к нормам не только орфографическим, пунктуационным, грамматическим, словообразовательным, стилистическим и другим языковым, но и нормам этики общения, моральным, социальным. «Поступок «человека играющего» вне зависимости от его

представлений об источнике нормативности может быть как нормативным, так и ненормативным, однако санкции за совершение ненормативного поступка зависят от того, какая сфера нормативности на него распространяется», – пишет Е.И. Коваль, затрагивая тему представлений об источниках нормативности игры и морали, моральной ответственности «человека играющего» [Коваль 2018: 133, 135].

С вопросом нормы связан и языковой нонсенс, который осмыслен не как «отход от норм, а создание собственной нормы – такой, в которой присутствуют условия, создающие возможность наделения смыслом того, что обычно кажется бессмысленным...» [Иткулов 2021: 87]. Субъективное ощущение сути явления отражается в специфической предикации, индивидуальное мироощущение – в оценке, транслируемой создаваемым игровым, парадоксальным контекстом.

Л.В. Щербой некогда было блестяще подчеркнута, что «вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю при этом и говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта» [Щерба 1974: 24-25]. (Ср.: характер интерпретаций служит «проявлением когнитивной функции человеческого сознания» [Иткулов 2021: 88]). При этом Л.В. Щерба видел и понимал важность для эволюции языка того, что лишь принятое говорящим коллективом (группой) от индивидуума новое и оригинальное может оказать влияние на изменения в системе, какого-то её уровня. Вопрос об освоении языка как общепринятой системы, стандарта, следовательно, поставлен как краеугольный и таковым остаётся.

Опираясь на поддерживающий эту мысль тезис, согласно которому языковая игра во всех формах её проявления, лингвокреативность возможны лишь только тогда, когда языковой личностью «усвоены и воспроизводятся модели стандартного упот-

ребления, но осознаны способы творческого его использования» [см.: Гридина 1996: 9], обратимся к норме, считая именно её мериллом креативности.

В значении лексемы *норма* (от лат. *Norma*, что трактуется как «узаконненное установление. Обычный, признанный обязательным порядок, состояние» [ТСУ]) заложено осмысление характера совершения или использования чего-либо (в нашем контексте – языковых средств) по предпочтительным и принятым правилам, согласно традициям, вкусам, уровню общей культуры носителей языка. «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации», – зафиксировано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Семенюк 1990: 337].

Нормы лексические, произносительные, морфологические, синтаксические обеспечивают целостность и общепонятность речи / текста как продукта деятельности ментально-лингвального комплекса (МЛК – термин В.В. Морковкина) каждой социализированной языковой личности и коллектива носителей / пользователей в целом. А так как МЛК какого-либо *homo loquens* неповторим, то характер и степень усвоения норм носит индивидуальный характер, что отражают разного рода тесты, в том числе ЕГЭ по русскому языку, речевое поведение, успешность или неудачи в сфере межличностной коммуникации и т.п. Хотя, безусловно, языковые личности различаются также и по способностям сформировать игрему в результате лингвокреативной деятельности [ср.: Гридина 2020: 73-75], но именно о перечисленных проблемах регулярно пишут методисты, педагоги, психологи.

Транслируемая и закрепляемая в процессе образовательной деятельности кодифицированная норма – стандарт, так что в лингвокреативной деятельности оказывается, с нашей точки зрения, принципиально важным не каждый из её критериев.

Так, ещё С.И. Ожегов указывал, что количественный критерий не сигнализирует о нормативности того или иного изменения: «Языковая норма, – писал он, – есть прежде всего явление типическое, т.е. соответствующее сущности данного социально-

исторического явления, а не просто наиболее распространённое, часто повторяющееся, обыденное» [Ожегов 1984: 219-220]. Когда какое-либо явление, изменение становится часто повторяемым, это сигнализирует о развитии варианта, прежде всего разговорного. В основе его появления могут лежать отнюдь не творческие интенции, а недостаточная компетентность (*займи мне денег* в значении 'дай займы' – «ложная» энантиосемия глагола *занять*, распространённая и, к сожалению, по нашим наблюдениям, закрепляющаяся в разговорной практике, чему способствуют дневные передачи для аудитории домохозяек на каналах «Д» и «ТВ-3»).

Критерий следования каким-либо образцам приближает нас к ответу на вопрос о норме как «мериле» креативности. Действительно, оригинальное словоупотребление, эффективный, с точки зрения словообразования, семантического сдвига, окказионализм и т.д. могут послужить аналогом для создания «подобного», становясь прецедентными феноменами.

Прецедентность обуславливает, с одной стороны, соотнесение с творческим актом / языковой личностью, пославшей игровой импульс, эмоционально-экспрессивный заряд с помощью языкового средства в процессе коммуникации, с другой стороны, как всякий прецедент, позволяет действовать по образцу, порождая эффект разбегающихся по кругу волн. Однако, во-первых, тиражируемое может потерять качество свежести, шаблонизироваться, во-вторых, индивидуальное имеет право оставаться именно таковым. По мысли С.В. Рейнгольда, текст (а мы добавим – любой его элемент – *В.Л.*) «резонирует в тон определённым чертам и идеям писателя и его времени» [Рейнгольд 2018:17], поэтому даже успешные подражатели образцам «творческих контекстов», каковыми признаются все, что связаны с языковой, игрой, экспрессией, креативными преобразованиями единиц, отвечающих языковому стандарту, норме стиля, «резонируют» в каком-то очерченном диапазоне. Творческие контексты выделяются, как мы знаем, на фоне контекстов, где используется «всё повторённое и воспроизведённое и повторимое и воспроизводимое», названное М.М. Бахтиным «данностью»,

невзирая на индивидуальность, единственность, чем служит *смысл* – «полюс» текста [Бахтин 1986: 299-300].

Следовательно, самым весомым критерием нормы, актуальным для осмысления лингвокреативности, следует считать критерий целесообразности применительно к речевой ситуации: «С одной стороны, это целесообразность, эффективность той или иной языковой формы для понимания высказывания вообще, а с другой – её пригодность, оправданность в данной, конкретной речевой ситуации» [Горбачевич 1981: 30]. Именно этот критерий определяет стилевые доминанты в русском литературном языке и позволяет воспринимать контекст как творческий, в сравнении с неким языковым идеалом, абстракцией, поддерживаемой нормой.

### *Литература*

*Базилевич В.Б.* Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. III. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). С. 20-22.

*Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 446 с.

*Горбань В.В.* Лингвокреативность на службе коммуникативной интенции // Лингвистика креатива: Коллективная моногр. / Отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 73-82.

*Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1981. 208 с.

*Гридина Т.А.* Речезанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей // Филологический класс. 2020. Т. 25. №1. С. 73-85.

*Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 166 с.

*Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

*Дедюхин А.А.* Языковая игра в рекламной коммуникации // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 373-379.

*Иваненко Л.Н.* Мы люди, ибо играем // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. № 12. С. 12 (1-4).

*Иткулов С.З.* Языковой нонсенс и языковая норма: проблема отношения к смыслу // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 80-89.

*Коваль Е.А.* Нормативность, игра, мораль: поступок «человека играющего» // Этическая мысль. 2018. Т.18. №2. С. 129-137.



*Леденёва В.В.* Ментефакты и идиолектемы // Педагогическое образование и наука: Научно-методический журнал МАНПО. № 4. 2004. С.27-28.

*Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Основы культуры речи: Хрестоматия. / Сост. Л.И. Скворцов. М.: Высшая школа, 1984. С. 219-220.

*Рейнгольд С.В.* Трансабсурд: страсти по тексту. Литературная критика. М.: Р. Валент, 2018. 532 с.

*Семенюк Н.Н.* Норма // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 1990. С. 337-338.

*Спешилова Е.И.* Человек Играющий: экзистенциальный проект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №5 (158). С. 177-181.

*Стражный А.С.* Болезни, в которые играют люди. Сер.: Сам себе психотерапевт. М.: Клуб Семейного Досуга, 2010. 318 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. Тт. 1- 4. М., 1935-1940. [Эл. вариант. (ТСУ)]

*Храпов С.А., Бибарсов Д.А.* «Человек играющий» как социокультурная модальность «человека техногенного» // Вестник Калмыцкого университета. 2020. №1 (45). С. 114-120.

*Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39.

#### REFERENCES

Bazilevich V.B. YAzykovaya igra kak forma proyavleniya lingvisticheskoy kreativnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 3 ch. CH. III. Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50). С. 20-22.

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986.

Gorban' V.V. Lingvokreativnost' na sluzhbe kommunikativnoj intencii // Lingvistika kreativa: Kollektivnaya monogr. / Otv. red. T.A. Gridina. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. S. 73-82.

Gorbachevich K.S. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1981. 208 s.

Gridina T.A. Rechezhanrovyy potencial yazykovoj igry v hudozhestvennoj literature dlya detej // Filologicheskij klass. 2020. T. 25. №1. S. 73-85.

Gridina T.A. YAzykovaya igra v hudozhestvennom tekste: Monografiya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. 166 s.

Gridina T.A. YAzykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: Monografiya / Ural. gos. ped. un-t, 1996. 214 s.

Dedyuhin A.A. YAzykovaya igra v reklamnoj kommunikacii // YAzyk. Tekst. Diskurs. 2011. № 9. S. 373-379.

Ivanenko L.N. My lyudi, ibo igraem // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2007. № 12. S. 12 (1-4).

Itkulov S.Z. YAzykovoј nonsens i yazykovaya norma: problema otnosheniya k smyslu // СHеловек. Kul'tura. Obrazovanie. 2021. № 4. S. 80-89.

Koval' E.A. Normativnost', igra, moral': postupok «cheloveka igrayushchego» // Eticheskaya mysl'. 2018. T.18. №2. S. 129-137.

Ledenyova V.V. Mentefakty i idiolektemy // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka: Nauchno-metodicheskij zhurnal MANPO. № 4. 2004. S.27-28.

Ozhegov S.I. Ocherednye voprosy kul'tury rechi // Osnovy kul'tury rechi: Hrestomatiya. / Sost. L.I. Skvorcov. M.: Vysshaya shkola, 1984. S. 219-220.

Rejngol'd S.V. Transabsurd: strasti po tekstu. Literaturnaya kritika. M.: R. Valent, 2018. 532 s.

Semenyuk N.N. Norma // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. M.: Sov. enciklopediya. 1990. S. 337-338.

Speshilova E.I. СHеловек Igrayushchij: ekzistencial'nyj proekt // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. 2015. №5 (158). S. 177-181.

Strazhnyj A.S. Bolezni, v kotorye igrayut lyudi. Ser.: Sam sebe psihoterapevt. M.: Klub Semejnogo Dosuga, 2010. 318 s.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. Ushakova D.N. Tt. 1- 4. M., 1935-1940. [El. variant. (TSU)]

Hrapov S.A., Bibarsov D.A. «СHеловек igrayushchij» kak sociokul'turnaya modal'nost' «cheloveka tekhnogenogo» // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2020. №1 (45). S. 114-120.

SHCHerba L.V. O troyakom aspekte yazykovyh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii // YAzykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'. L., 1974. S. 24-39.

©Леденёва В.В., 2022

**Леденёва Валентина Васильевна**, доктор филологических наук (10.02.01), профессор, кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (г.Мытищи, Россия).

Адрес: 141014,

Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной,

д. 24. E-mail: [fakul-rf@mgou.ru](mailto:fakul-rf@mgou.ru)

E-mail: [ledenevavv@yandex.ru](mailto:ledenevavv@yandex.ru)

**Ledeneva Valentina Vasilyevna**, Doctor of Philology (10.02.01), Professor, Professor of the Department of Modern Russian named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow State University) (Mytishchi, Moscow region, Russia).